

Магдалина Дальцева

Так затихает Везувий

Повесть о Кондратии Рылееве

М., Издательство политической литературы, 1982

Серия "Пламенные революционеры"

ОСР Бычков М.Н.

1. КРЕСТИНЫ

Шел отставной солдат по проселку. Сеял мелкий осенний дождь, но дорогу еще не развезло, подморозило за ночь, и идти меж кривыми колеями было ходко, хоть пути ни конца, ни края. Давным-давно остались позади курчавые молдаванские виноградники, ковыльные степи Малороссии, брянские леса. Впереди чухонские кочки да болота. Вокруг ни холмика, ни взгорка, ни зубчатой кромки леса на краю неба. Среди пожухлой, инеем тронутой травы редко-редко попадется искривленная, низкорослая береза да тощая ольха. К тому же день воскресный – телега не проскрипит, девка с коромыслом не пробежит. Пустынно и тихо. Вдоль дороги ни деревеньки, ни шинка, лишь вдалеке у развилки виднеется полосатая будка. Может, хоть там, за ней, торговое село или какой уездный городок.

Дождь немного припустил, солдат зашагал быстрее. Из-за будки показалась колымага, запряженная парой, и вскачь понеслись серые в яблоках навстречу.

Поравнявшись с солдатом, кучер остановил лошадей. Из кареты не вылез, а словно вывалился грузный барин – шинель с крылышками, треуголка на затылок, белый парик с буклями съехал набок, из-под него свой волос – бурый с проседью. За ним вышла барыня, белая, как плат, с широкими черными бровями, закутанная в турецкую шаль.

Барин обошел лошадей, стал перед солдатом.

– Как тебя звать, служивый? Солдат – руки по швам, отрапортовал:

– Кондратий сын Петров, вашблородие.

– Кондратий! – горестно повторила барыня.

– Скажи спасибо, что не Ермолай. Стал бы тезкой кучеру, – и, оборотись к солдату, барин приказал: – Садись на козлы.

Солдат – руку к треуголке, забормотал испуганно:

– Покорнейше благодарю, вашблородие, мне не к Питеру. Не попутно. На Чудово иду.

– Садись. В накладе не будешь.

Господа сели в карету, солдат взгромоздился на козлы, кучер натянул поводья, поворотил, и лошади тем же ходом помчали обратно.

Кучер, бородатый мужик с ячменем на глазу, даже не покосился на своего соседа. Смотрел вдаль слезящимся глазом, к беседе был не расположен.

– Куда хоть путь держим? – отважился наконец спросить солдат. – Далеко ли мне придется обратно ворочаться?

– От развилки верст с десятков, – так же, не глядя буркнул кучер.

– И что же там находится?

– Церковь.

– Ну, а я-то за какой надобностью им приглянулся?

– Крестить.

Солдат шархнулся, еле на козлах удержался.

– Я не татарин! Меня родитель по девятому дню в церковь понес.

Кучер впервые недоверчиво и презрительно обратил на него взгляд, будто хотел удостовериться, впрямь ли он не татарин и, отвернувшись, сказал:

– Не тебя, дурень, крестить.

– А кого же?

– Младенца.

Солдат хотел было втолковать, что он не только что не татарин, но и не поп, но барин постучал кучеру, приказал остановиться.

Подобрали с дороги какую-то бабу. Солдат только и успел заметить онучи, заляпанные грязью, да рваную полу овчинного полушубка. Ей честь была оказана меньшая. Никто не вышел из кареты. Без лишних слов втащили, и колымага двинулась далее.

Кучер стал еще суровее. Сплюнул через плечо, стегнул лошадей, и сколько